

УДК 304.2

doi: 10.18101/1994-0866-2016-6-81-89

КОНЕЦ СОВРЕМЕННОСТИ: ВПЕРЕДИ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ?

© Купряшкин Илья Владимирович

кандидат философских наук, доцент,
Дальневосточный федеральный университет
Россия, 690950, г. Владивосток, ул. Суханова, 8
E-mail: kupryashkin.iv@dvfu.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 16-36-00172 мол_а «Диалектический и синергетический методы в исследовании фундаментальных трансформаций современного общества»

В статье представлена популярная в современном обществознании концепция Нового Средневековья, идущая от работ Освальда Шпенглера, Николая Бердяева, Питирима Сорокина, Карла Ясперса, Роберто Вакка, Ульриха Бека, Джейн Джекобс, Умберто Эко. Рассмотрены некоторые черты и явления современности, которые имеют частичное основание быть отнесенными к «Новому Средневековью». Указанные тенденции проиллюстрированы на примере городов и городской жизни, поисков национальной идентичности, современного искусства, гендерных отношений и трансформации детства. Однако констатации кризисных явлений современного общества явно недостаточны для познания сущности социальных процессов. Необходимо ставить вопрос о их причинах и движущих силах, не останавливаясь на описании массы фактов. Уязвимость для критики концепций У. Эко, Дж. Джекобс и других перечисленных авторов видится в отказе последних от диалектико-материалистического понимания истории. В статье утверждается системный характер происходящих социальных трансформаций, указывается на взаимосвязь кризисных явлений. В уточнение «новое» следует вкладывать, на взгляд автора, принципиально иное по отношению к изжитому «средневековому» основание этих явлений при внешней их схожести. Все более частые явления современности, имеющие аналогии в Средневековье, есть следствие фундаментальных трансформаций капиталистического мира-системы и, вероятно, свидетельствуют о возникновении сервисно-рентного способа производства. В прошлом эпоха, с которой ныне проводятся аналогии, сменилась Новым Временем. Оптимистический сценарий истории и сегодня предполагает использование социального потенциала человечества.

Ключевые слова: новое Средневековье, диалектика, сервисно-рентное общество, социальные трансформации, мегаполис, нация, гендерные отношения, институт детства.

Осмысление кризисных явлений современного общества является одной из существенных проблем социальной философии. Методологическая и теоретическая ситуация на рубеже XX–XXI вв. характеризуется множеством подходов, каждый из которых подчеркивает тот или иной аспект этого кризисного состояния. Одной из популярных идей, развиваемой в данном направлении, становится идея «Нового Средневековья».

Стоит отметить, что идея кризиса западного общества, понимаемая таким образом, не нова. Так, в 1918 г. Освальд Шпенглер опубликовал знаменитую работу «Закат Европы». В 1924 г. Н. А. Бердяев представил труд «Новое Средневе-

ковье». В конце 1930-х гг. Питирим Сорокин писал: «Все важнейшие аспекты жизни, уклада и культуры западного общества переживают серьезный кризис... больны плоть и дух западного общества...» [12, с. 427]. Карл Ясперс говорил о том же: «В нашу эпоху массового порядка, техники, экономики, духу вместе с человеческим бытием грозит, если эта неизбежность абсолютизируется, разрушение в своей основе...» [16, с. 105]. В 1973 г. широкое внимание интересующихся проблемами общественного развития привлекла работа Роберто Вакка «Ближайшее средневековое будущее». В 1986 г. выходит книга Ульриха Бека «Общество риска. На пути к другому модерну» [3]. Особый интерес к проблеме и полемику вызвала в начале 1990-х гг. статья Умберто Эко «Средние века уже начались» [15]. Очередная книга-предостережение — «Впереди Средневековье», вышедшая в 2004 г., принадлежит перу североамериканской исследовательницы Джейн Джекобс [9]. При всех различиях авторов объединяет интерес к изменениям, происходящим в обществе и их оценка. В оценке этих перемен в целом преобладают алармистские настроения. Однако, на наш взгляд, основы позиций перечисленных исследователей уязвимы для критики, поскольку, констатируя симптомы кризиса современного общества, они не рискуют поставить вопрос о его причинах, остановившись на описании массы фактов. Важнее считается вопрос, идет ли речь о прогнозировании ближайшего будущего или констатации сбывшегося настоящего [15, с. 258]. Представляется, что без прочных методологических оснований подобные работы теряются среди прочих других, описывающих кризисные тенденции современного общества, вместо их объяснения и остаются «страшилками» в научном жанре. Для последователей философских идей К. Маркса, такими необходимыми прочными методологическими основаниями для эффективной исследовательской программы в области общественных наук являются принципы единства противоположностей, детерминизма, историзма и системности [4, с. 101]. В своей совокупности эти принципы образуют не что иное, как *диалектику*. В данном ключе особый интерес для нас представляет монография А. В. Готноги, разрабатывающего диалектико-материалистическое понимание истории, «Теоретико-методологические основания исторического прогнозирования». В настоящее время можно наблюдать, по мнению автора, *возникновение* сервисно-рентного общества [8, с. 217]. Намечившуюся историческую тенденцию, подмеченную указанными нами выше и другими авторами, А. В. Готнога укладывает в *закон отрицания отрицания*: переход от внеэкономического принуждения (рабовладение, феодализм, «азиатский способ производства») к экономическому (капитализм) есть *первое отрицание*; переход от экономическому принуждению (капитализм) к внеэкономическому есть *второе отрицание*, т. е. *отрицание отрицания* [8, с. 243]. Говоря о *становлении* нового общественного способа производства, покоящегося на рентных механизмах принуждения, автор считает прогрессивным движением по спирали истории, по причине выхода производительных сил на более высокий уровень. Закон соответствия производственных отношений производительным силам, открытый К. Марксом, здесь, по мнению А. В. Готноги, срабатывает таким образом, что изжитые, казалось бы, капитализмом отношения личной зависимости в сфере материального производства как бы обретают второе дыхание, но уже в сфере производства нематериального [8, с. 244].

Таким образом, черты современности, верно подмеченные и описанные, но не объясненные авторами, не использующими диалектику, имеют частичное основание быть отнесенными к «Новому Средневековью». В уточнение «новое» следует вкладывать, на наш взгляд, принципиально иное, по отношению к изжитому «средневековому», основание этих явлений при внешней их схожести. Все более частые явления современности, имеющие аналогии в Средневековье есть следствие глобальных общественных трансформаций, признаки возникающего способа производства. Системный характер происхождения указывает на взаимосвязанность кризисных явлений. Рассмотрим некоторые из них.

Ярким примером Нового Средневековья в миниатюре могут служить мегаполисы. Нет нужды обращаться за ссылками к авторитетам, чтобы увидеть современные бизнес-центры и офисы корпораций с их многоступенчатой системой пропускного контроля, вполне реальными ограждениями и системами наблюдения в качестве феодальных замков. Феодалы имели свои вооруженные дружины, роль которых сегодня выполняет частная охрана. Полицейский в этом случае есть символическое напоминание о центральной власти. Эта власть становится действующей, в случае если действия собственных наемников неэффективны. Многие меньшинства, проживающие в городе, не желают интегрироваться и образуют кланы, выбирая свой район, который становится центром недоступным для других. Сегрегация населения сегодня одна из важнейших проблем в социологии города. Города наполняются иммигрантами, но лишаются старых жителей, которые используют его только для работы, а потом возвращаются в укрепленные и защищенные пригородные жилые комплексы [15, с. 261–262]. Впрочем и в пределах городов вырастают новые, тщательно охраняемые от посторонних, районы. Концентрация населения в городах означает его исчезновение вокруг них. За пределами города (впрочем как и внутри него), в провинции, выявляется к тому же необязательный характер государственных институтов: за помощью обращаются не к вышестоящим по должности, а исходя из престижа и реальной возможности помощи, например, к криминальным авторитетам или СМИ [15, с. 260]. Город вновь становится местом, в котором только и есть власть, образование, здравоохранение и массовые развлечения. Жестокосердие подданных в средневековой Европе подпитывалось публичными казнями и пытками. Современные граждане имеют возможность использовать для этих целей газеты, кино, телевидение и все большей степени интернет. Метафорой пыток и казней представляется еще одно явление современности. Речь идет о популярных увеселительных шоу жанра stand-up, где ведущий «казнит» твоего соседа, тебя и себя самого, выявляя пороки обывателя и вызывая смех. Можно предположить, что при такой казни зритель получает садо-мазохистское удовольствие, схожее с ощущениями при наблюдении казни реальной. Именно обыватели, граждане становятся объектом внимания новых «палачей» — звезд юмора, сатиры и сарказма. В этом их принципиальное отличие от известных сатириков прошлого века, похожих скорее на средневековых юродивых, коим одним позволено открыто высмеивать власть. Если населенный пункт слишком мал и его не посещают артисты, на выручку обывателю приходят телевидение и интернет. Проблема глобального кризиса духовной сферы общества весьма актуальна среди социальных исследователей современности. Хотя на первый взгляд это утверждение может

показаться парадоксальным. Действительно, человечество на современном этапе своего развития достигло огромных успехов. По сравнению с предыдущими эпохами возрос уровень грамотности. Миллиарды людей стали грамотными. Они успешно используют достижения современной научно-технической революции как в общественной, так и в частной жизни. Радио, телевидение, видеотехника, компьютеры и т. д. дают возможность человеку обогащать свой субъективный мир, осваивать все новые и новые пласты культуры. Ежедневно выходит множество газет и журналов, публикуются статьи, книги и брошюры. Казалось бы, интеллектуальный уровень людей должен быть очень высоким. Однако в начале третьего тысячелетия сложилась трагическая ситуация. Можно даже говорить о массовой деинтеллектуализации общества. Книжная культура Нового времени, ориентированная на печатный текст, с засильем ТВ и интернет отстает перед натиском зрелищного, визуального. Черты последнего, по мнению У. Эко, характерны для Средних веков, где соборы были одновременно каменной книгой, рекламным плакатом и мистическим комиксом. Жития святых служили предметами обсуждения и образцами для подражания, подобно артистам и «звездам» современности, людям из элиты, не обладающих политической властью, но имеющих огромное воздействие на публику [15, с. 266]. В ситуации переноса крупных производственных мощностей из «постиндустриальных» мегаполисов на «индустриальную» периферию и стандартизации промышленной продукции в городах возрождается мелкотоварное производство. Повсеместно растет спрос на handmade, продукцию ремесленников. К таковым относятся оригинальные предметы интерьера, одежды, различные аксессуары и др. Определение оригинального здесь ключевое, поскольку с господством жанровой эклектики в искусстве воссоздается неразличение эстетического и механического среди предметов роскоши и искусства. Постмодернистское искусство, как и средневековое, не систематическое, но собирательное и составное. Стоит лишь сравнить коллекции королей и современные выставки поп-арта. Другим ярким примером служит дизайн современных публичных территорий, например, кафе, где мягкие игрушки могут соседствовать с неисправными радиоприемниками, фотоаппаратами и фигурой скелета в шапке танкиста и т. д. Подобным образом, в сокровищницах феодальных князей без разбора оказывались: щип из венца Иисуса; яйцо, найденное в другом яйце; рог единорога; обручальное кольцо Св. Иосифа; череп Св. Иоанна и т. д. [15, с. 266].

В эпоху капиталистической глобализации национальные государства стали взаимосвязанными во всех аспектах — экономическом, политическом, культурном, социальном. Капитализм направил человеческую энергию, помимо прочего, на укрупнение государств и создание межгосударственных союзов. Этот факт объединения человечества свидетельствует о прогрессивном характере способе производства. Такое объединение обернулось для многих страхом утраты. Сама глобализация, по мнению некоторых, угрожает существованию национальных государств [5, с. 65]. Нас в контексте данной работы больше интересует не угроза национальному суверенитету перед лицом универсализирующей глобализации, а контртенденция этой угрозе. Раскроем утверждение. Понятие нации сложилось в XIX в., т. е. в эпоху сформировавшегося капитализма. Нация, с точки зрения историков XIX в., как бы существовала еще до государства, только в ка-

ком-то скрытом виде, как некая внутренняя сущность, какое-то органическое единство народа, которое государством было лишь оформлено [10, с. 384]. Но, с другой стороны, поскольку государства стали соединением регионов и местностей, в начале XIX века сами граждане, как бы их ни определяли, обычно были людьми весьма разного происхождения — говорящими на разных языках, придерживающимися разных обычаев, хранящими разную историческую память. Когда подданные стали гражданами, им, в свою очередь, предстояло превратиться в представителей нации, то есть людей, у которых лояльность к своему государству стоит на первом месте по отношению к любой иной социальной лояльности [6, с. 147]. Сегодня всплеск движений за национальный и этнический суверенитет и проведение в одной стране за другой референдумов об отделении делают возможной в ближайшем будущем политическую карту мира столь же пестрой, как во времена феодальной Европы. К тому же, как замечает У. Эко на примере Индии и Пакистана, войну сегодня в нарушение обычаев, установленных современными либеральными государствами, как и тогда, в средние века, объявляют не всегда, либо только под конец конфликта [15, с. 263].

Обратим особое внимание на гендерный аспект современных трансформаций. Реалии современности наталкивают на мысль о частичном откате достижений в области взаимоотношения полов и свободы женщин. Борьба женщин за свои права, сегодня наталкивается на новые и казалось бы, изжитые препятствия. Как пишет М. Шолле, общество позволяет женщинам пользоваться своими правами, но скрепя сердце и даже ставя всевозможные препоны [14, с. 107]. К этому стоит добавить, что по-прежнему домашние дела считаются женской работой. Причем труд по ведению домашнего хозяйства не оплачивается. И сегодня 80% мужчин в Германии считают, что мужчина должен работать, а жена оставаться дома. С их точки зрения, это не ущемление прав женщин, а неизбежная закономерность. На словах соглашаясь с равноправием, на деле мужчины по-прежнему отстаивают свою свободу от работы по дому [3, с. 155]. Иллюстрацией к такой противоречивости может служить позиция Главноуправителя в романе О. Хаксли «О дивный новый мир», в которой он признается Дикарю наедине: «В сейфе Бог, а на полках Форд». В свою очередь, Дж. Оруэлл в своей знаменитой антиутопии «1984» назвал такое явление двоемыслием. Двоемыслием писатель называл непрерывную цепь побед над собственной памятью. Представляется, что проблема гендерных стереотипов в XXI в. требует рассмотрения в отдельной статье. Далее обратимся к еще одной показательной противоречивой трансформации в современном обществе. В докапиталистической Европе большинство браков заключалось по контракту на экономической основе. Среди крестьян брак был средством организации аграрного труда. Еще в XVII в. среди женатых крестьянских пар в Европе поцелуй и ласки были редким явлением. Примерно с конца XVIII в. в Европе начинает ощущаться присутствие в браке романтической любви, которая впитала в себя элементы страстной любви и идеалы моральных ценностей христианства [7, с. 64]. Сегодня для большинства молодого европейского населения и тех регионов мира, где влияние глобализации ощутимо, порядок приоритетов окончательно изменился. Личная привязанность воспринимается в наши дни как главное условие семейного благополучия. Иными словами, современность дает брачным отношениям любовь в качестве опоры. Однако и в

этом аспекте можно говорить о кризисе. А. Бадью определяет любовь как момент, когда мир испытывается вдвоем, а не в одиночку [1, с. 53], но современное общество называется З. Бауманом индивидуализирующим [2], а Э. Фромм подчеркивал одиночество современного человека [13]. В самой идеализации современной любви также обнаруживается влияние разъединяющей, индивидуализирующей, лишаящей ориентиров, противоречивой в самой своей основе современности. Такая идеализация — оборотная сторона утрат, приносимых глобализацией. Если не Бог, не класс, не сосед, так хотя бы возлюбленный или возлюбленная есть рядом [3, с. 172]. Но теперь рядом нет и возлюбленных, растущее количество разводов тому подтверждение. Кризис любви обнаруживается если посмотреть на масштабы распространения порнографии. Можно сказать, порнография означает невозможность любви, подобно тому как стриптиз означает невозможность наготы. В этой невозможности выражена парадигма нашего отношения к наготы. Нагота под влиянием христианской парадигмы воспринимается современным человеком как событие, а не как состояние. Для индейцев гуарани, например, нагота не что иное, как обычное состояние. Порнография сексуализирует неравное положение женщин. Она сексуализирует в более широком смысле доминирование и подчинение. Каждая женщина может быть использована, равенство каждой представляется сексуально возбуждающим. Любовь и насилие, как известно, несовместимы. Насилие угрожает сегодня и любви к детям. Родительская любовь и любовь к детям вообще может быть расценена сегодня неоднозначно. Родительская любовь и забота о ребенке может быть классифицирована как сексуальное домогательство. После обнаружения фактов сексуального насилия над детьми в семьях и за их пределами родительская нежность потеряла свою невинность. Над семейным укладом навис призрак секса. Чтобы не быть уличенным в преступном посягательстве, нужно держать детей на расстоянии и воздерживаться от близости, от публичных и осязаемых проявлений родительской любви [2, с. 297], от интереса к детям, особенно не своим.

Определенные параллели можно провести между современными и средневековыми детьми. Многие авторы утверждают о наличии в современном обществе признаков кризиса детства как социального института [11]. Следует говорить о размывании «территории детства». Раскроем утверждение. Детство в данном случае понимается не как возраст «от и до», а как социальный институционализированный конструкт. Метафоричное популярное выражение «детство — территория добра» представляется весьма подходящим и содержащим в себе ключевые моменты определения. «Территория» означает наличие границ, т. е. возможность различения детства и зрелости, ребенка и взрослого. «Добро» выступает здесь как принципиально важная характеристика. Это «добро ребенка» не означает противопоставление «злу взрослого» (хотя в контексте проблемы насилия над детьми это наиболее очевидное значение метафоры). «Добро» в данном случае мы предлагаем понимать как близкое понятиям «сказка», «чудеса», т. е. речь идет об отнесении мира ребенка скорее к чувственному, в противовес рациональному миру прагматичных взрослых. Иллюстрацией подобного может служить эпизод из произведения Р. Брэдбери «Вино из одуванчиков»: маленькие девочки не верят пожилой соседке, что она тоже когда-то была маленькой девочкой. Даже детская фотография соседки не произвела эффекта, дети сочли будто

старушка показывает им украденную фотографию какой-то другой девочки. Безусловно, дети абсолютизируют личный опыт, они еще не знают о старении и неуклонном приближении смерти, заложенном в самой жизни. Для девочек их соседка всегда была старой. Напомним, до того как покинуть дворец, легендарный Сиддхартха Гаутама, окруженный заботой, тоже не подозревал о старении. *(Крайне интересным здесь оказывается пример детей, играющих листиками или камешками вместо денег. Находясь на «территории добра и чудес», дети уверены в ценности используемых заменителей настоящих денег. Но ведь и настоящие деньги взрослых являются заменителем, эквивалентом реальных ценностей, товаров и услуг.)* Таким образом, «территория детства» отделена от «территории взрослых», поскольку у взрослых есть секреты, знания. Эти знания и секреты недоступны детям. Эта ситуация возможна и характерна для письменной культуры, когда свободный доступ к некоторым секретным знаниям является привилегией взрослого. Современная ситуация характеризуется агрессивной атакой на «территорию детства» как «территорию добра и чудес», «территорию незнания» со стороны СМИ и каналов интернет. Современные дети *знают* «секреты взрослых», у ребенка отнимается сама возможность существования «территории добра». Нет нужды обращаться за ссылкой к авторитетам, чтобы подтвердить общую тревогу многих родителей и экспертов по указанной проблеме и попытки оградить детей от информации деструктивно влияющей на несформированную личность. В указанном аспекте ребенок сегодня — это «маленький взрослый». В Средневековье дети также считались «маленькими взрослыми», но по другой причине. Наравне с взрослыми они трудились в домохозяйствах и ремесленных мастерских. С другой стороны, размывается опора позиции взрослых. Традиционно, если ребенок только усваивает в процессе социализации знания, умения и навыки, то взрослый ими уже владеет и способен применять. Взрослый — это тот, кто *уже научился*. Ускоряющийся ритм современной социальной динамики и технологический характер основы бытия общества требует постоянного усвоения новых знаний, умений и навыков от взрослых. Часто именно у детей взрослые учатся пользоваться смартфоном, компьютером и иными атрибутами современного человека. В итоге наблюдается нетипичная в прежние времена для практики взаимоотношений в семье ситуация, когда родители обращаются к несовершеннолетним детям за консультацией по жизненным вопросам. В интересующем нас контексте это означает исчезновение границы между детьми и взрослыми [11].

Вышеописанные и иные кризисные явления современности следует рассматривать как признаки формирования нового способа производства. Сервисно-рентное общество воспроизводит на принципиально новых основаниях некоторые черты средневекового европейского общества. Однако наступление Нового Средневековья не означает конца истории [8, с. 245]. Эпоха, с которой ныне проводятся аналогии, сменилась Новым Временем. Так и сегодня оптимистический сценарий предполагает не свертывание глобализации, а использование заложенного в ней потенциала в созидательных, гуманистических целях, поскольку сама логика истории стоит на стороне освобождения человека от угнетающей его эксплуатации.

Литература

1. Бадью А. Философия и событие. Беседы с кратким введением в философию Алена Бадью. — М.: Изд-во Ин-та общегуман. иссл., 2013.
2. Бауман З. Индивидуализированное общество. — М.: Логос, 2005.
3. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. — М.: Прогресс — Традиция, 2000.
4. Бирюков А. А. Теоретико-методологический кризис в современном обществознании: причины и возможности преодоления // Философия социальных коммуникаций. — 2009. — № 3. — С. 94–103.
5. Бязрова Дж. Б. Глобализация и проблема национальных ценностей // Философия и Общество. — 2004. — № 4. — С. 62–69.
6. Валлерстайн И. После либерализма — М.: Едиториал УРСС, 2003.
7. Гидденс Э. Трансформация интимности. — СПб.: Питер, 2004.
8. Готного А. В. Теоретико-методологические основания исторического прогнозирования. — Красноярск: Научно-инновационный центр, 2014.
9. Джекобс Д. Закат Америки. Впереди Средневековье. — М.: Европа, 2007.
10. Кагарлицкий Б. Ю. Марксизм: не рекомендовано для обучения. — М.: Алгоритм, Эксмо, 2005.
11. Куренной В. Трансформация детства [Электронный ресурс] // Постнаука. — URL: <https://postnauka.ru/video/9856> (дата обращения: 20.06.2016).
12. Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. — М., 1992.
13. Фромм Э. Человек одинок // Иностранная литература. — 1966. — № 1. — С. 230–233.
14. Шолле М. Насколько необратимы завоевания феминизма? // Свободная мысль. — 2007. — № 4. — С. 105–112.
15. Эко У. Средние века уже начались // Иностранная литература. — 1994. — № 4. — С. 258–267.
16. Ясперс К. Призрак толпы. — М.: Алгоритм, 2007.

THE END OF MODERNITY: THE DARK AGES ARE AHEAD?

Ilya V. Kupryashkin

PhD, A/Professor, Department of Social Sciences, Far Eastern Federal University, Vladivostok 690011

The article presents popular in modern social science conception of the New Middle Ages, coming from the works of Oswald Spengler, Nikolay Berdyaev, Pitirim Sorokin, Karl Jaspers, Roberto Vacca, Ulrich Beck, Jane Jacobs, Umberto Eco. We consider some features and phenomena of our time, which have reason to be partially covered by a «New Middle Ages». These trends are illustrated in the example of cities and urban life, the search for national identity, contemporary art, gender relations and the transformation of childhood. However, the statement of the crisis of modern society is not enough for understanding the nature of social processes. It is necessary to raise the question of their causes and driving forces, not dwelling on the description of the mass of facts. Vulnerability to criticize the concepts of Umberto Eco, Jane Jacobs and other listed authors is seen in the recent refusal by the dialectical materialist conception of history. The article states the systemic nature of the ongoing social transformation, indicated the relationship crisis. The refinement of the «new» should be put on the author's view, fundamentally different, in relation to the obsolete «medieval», the basis of these phenomena in their external similarity. The increasingly frequent phenomenon of modern

analogues in the Middle Ages is the result of a fundamental transformation of the capitalist world-system and, perhaps, suggest the emergence of service-rental method of production. In the past, the age of which is now held analogy, replaced the New Time. The optimistic scenario of history today involves the use of the social potential of humanity.

Keywords: the New Dark Ages, dialectics, service-rental society, social transformations, megalopolis, nation, gender relationships, the Institute of childhood.

References

1. Badiou A. *Philosophy and the Event*. Polity, 2013.
2. Bauman Z. *The Individualized Society*. Polity, 2001.
3. Beck U. *Risk Society: Towards a New Modernity*. SAGE Publications Ltd, 1992.
4. Biryukov A. A. Teoretiko-metodologicheskii krizis v sovremennom obshchestvoznanii: prichiny i vozmozhnosti preodoleniya [Theoretical and Methodological Crisis in Modern Social Science: The Causes and Possibilities of Overcoming]. *Filosofiya sotsial'nykh kommunikatsii — Philosophy of Social Communications*. 2009. No. 3. Pp. 94–103.
5. Byazrova Dzh. B. Globalizatsiya i problema natsional'nykh tsennostei [Globalization and the Problem of National Values]. *Filosofiya i Obshchestvo — Philosophy and Society*. 2004. No. 4. Pp. 62–69.
6. Wallerstein I. *After Liberalism*. The New Press, 1995.
7. Giddens E. *The Transformation of Intimacy: Love, Sexuality and Eroticism in Modern Societies*. New Ed, 1993.
8. Gotnoga A. V. *Teoretiko-metodologicheskie osnovaniya istoricheskogo prognozirovaniya* [Theoretical and Methodological Foundations of Historical Prediction]. Krasnoyarsk: Research and Innovation Center Publ., 2014.
9. Jacobs J. *The Death and Life of Great American Cities*. New York: Random House, 1961; *Dark Age Ahead*. New York: Random, 2004.
10. Kagarlitskii B. Yu. *Marksizm: ne rekomendovano dlya obucheniya* [Marxism: Not Recommended for Learning]. Moscow: Algorithm, Eksmo Publ., 2005.
11. Kurennoi V. *Transformatsiya detstva* [Transformation of Childhood]. Available at: <https://postnauka.ru/video/9856> (accessed June 20, 2016)
12. Sorokin P. *Society, Culture, and Personality: Their Structure and Dynamics, A System of General Sociology*. New York & London: Harper & Brothers Publishers, 1947.
13. Fromm E. Chelovek odinok [The Human is Lonely]. *Inostrannaya literatura — Foreign Literature*. 1966. No. 1. Pp. 230–233.
14. Sholle M. Naskol'ko neobratimy zavoevanii feminizma? [How Irreversible are the Conquests of Feminism?]. *Svobodnaya mysl' — Free Thought*. 2007. No. 4. Pp.105– 112.
15. Eco U. Srednie veka uzhe nachalis' [The Middle Ages Has Already Begun]. *Inostrannaya literatura — Foreign Literature*. 1994. No. 4. Pp. 258–267.
16. Jaspers K. *Prizrak tolpy* [The Ghost of the Crowd]. Moscow: Algorithm Publ., 2007.